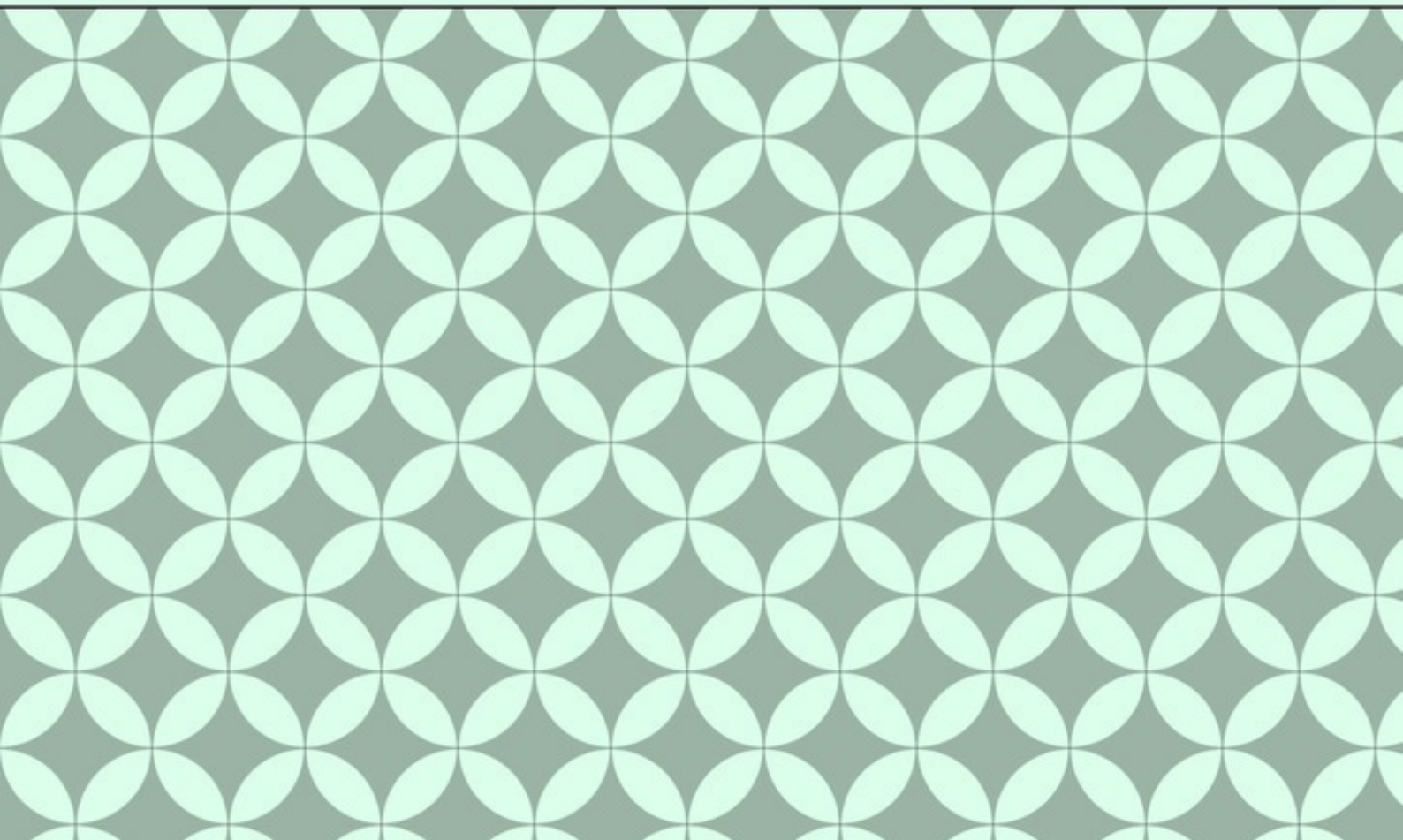

Леон Де Во

*Рваные
паруса*

Гротеск

Леон Во

Рваные паруса. Гротеск

«Издательские решения»

Во Л. Д.

Рваные паруса. Гротеск / Л. Д. Во — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856038-5

«Рваные паруса. Гротеск» — первая книга серии «Театральные романы Леона Де Во». Как в споре не рождается истина (рождаются две, и развиваются в два параллельных мира), так в покое не решается конфликт. Центр большой, центр малый и центр субъективный должны столкнуться, и тогда, может быть, останется один объективно необходимый (пусть — реальный для одного), размером не великий, но потенциально непредсказуемый центр мира, который он сам по себе воздвиг.

ISBN 978-5-44-856038-5

© Во Л. Д.

© Издательские решения

Содержание

От себя...	6
Поцелуев день	8
Политик	10
Предсказание	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рваные паруса Гротеск

Леон Де Во

Народному артисту России, Лауреату Государственной премии СССР, Генриху Майорову – неповторимому балетмейстеру, человеку, учителю, другу.

© Леон Де Во, 2017

ISBN 978-5-4485-6038-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От себя...

Чем дальше человек сидит от окна, тем сильнее ему хочется к окну подойти и взглянуть на улицу. Чем дольше человек смотрит на улицу, на этот маленький фрагмент мира, который открывается перед ним из окна, тем сильнее ему хочется выйти из дома и стать частью этого фрагмента. Чем чаще фрагменты мира, открывающиеся по мере движения человека по улице, меняют друг друга, и чем больше они различны, тем быстрее человек уверует в то, что он и есть – центр, вокруг которого всё выросло и построилось, и для которого выдуманно всё это разнообразие. Если не повезло, то однообразие. И именно для него играет этот долгий спектакль! Но чем быстрее человек разочаруется в том, во что так смело, уверовал, тем меньше он сможет бороться с желанием вернуться домой, если ещё будет считать свой дом своим домом, и не подходить к опротивевшему окну. Вот тут то и нахлынет, как сила противоречия, как революционное настроение, как жажда террора, желание описать всё то, с чем он столкнулся, смело, выйдя на улицу и прогулявшись по различным, бессистемно попавшимся на пути, фрагментам мира. Этого мало, он начнёт додумывать и передумывать, достраивать и перестраивать, исправлять и фантазировать, и тут-то держись крепче! Всем достанется! Досада на то, что он вдруг как-то оказался не центром мира (хотя на самом деле, по правде, по большому секрету, каждый человек – центр мира), а всего лишь его частью, переполняет и заставляет пересоздать мир. А как это сделать?.. Иначе, как на бумаге, это возможно только на полотне или на плёнке, но сначала, всё равно, используют бумагу. Поэтому, изучая статистику, мы удивляемся тому, что писателей не меньше, чем потенциальных центров мира. И поэтому мир так раздроблен, ведь не каждый созданный искусственно мир сочетается с желанным подвластным миром, и уж никак они оба взаимоисключающие органично не долгожданны и милы для настоящего существующего, банально равнодушного ко всем другим в нем развивающимся. Неизбежен конфликт.

Но зло ли есть – этот конфликт? Скорее всего, что нет. Любой конфликт – это вскрытие нарыва, а воспоминания о нём – лечение. Разве лучше прожить двадцать лет без конфликта и умереть с нарывом, но иметь репутацию человека терпимого? Нет! Как в споре не рождается истина (рождаются две, и развиваются в два параллельных мира), так в покое не решается конфликт. Центр большой, центр малый и центр субъективный должны столкнуться, и тогда, может быть, останется один объективно необходимый (пусть – реальный для одного), размером не великий, но потенциально непредсказуемый центр мира, который он сам по себе воздвиг.

То время, к которому относятся нанизанные мной на сюжет фрагменты одного из миров, было интересным до отвращения и понятным до бреда. Гениальные секретари меняли своё окружение, как колоды карт в начале каждой партии, а позже, как, спохватившись, сменяли и друг друга. Находясь дома, население Москвы окончательно перестало бояться того, чего никогда не боялось и начало опасаться совершенно безобидных вещей. В искусстве, к которому имел тогда отношение мой друг – мой герой – осмысливаемый мною центр мира, неожиданно для зрителя добивались успеха и новых назначений мастера новых и несвоевременных подходов к старым сюжетам старыми же стилями при откровенно привычных выразительных средствах. Время сказочников-методистов!

С Лёвой Марченко меня познакомил театральный фотограф Тюпин. Хотя Стасика Тюпина можно было назвать театральным фотографом только потому, что в театр он ходил с фотоаппаратом, он всё-таки щёлкал затвором своего оружия. Попадал редко, но щёлкал часто. Так что Лёва? Лёва работал в одном из московских академических музыкальных театров имени самых народных артистов самого на тот момент Советского Союза солистом балета. Сам он больше любил слово «танцовщик», а о понятии «работает», пропуская при встрече заведующего постановочной частью Аркашу Челнова, всегда шутил: «Прошу, прошу! Это вы

тут работаете, а мы всё танцуем». Одним словом и одним эпизодом о Лёве не сказать, и я беру разбег на повествование с отступлениями. Это только лаконичная супруга Тюпина, Сауле могла, не подумав, подарить Лёву точным определением: «Как нет его, так и всё, как всегда. А как придёт, так сразу всё, как с ног на голову, и как будто, так и надо!»

Леон Де Во.

Поцелуев день

*Как утверждают многие учёные, а вслед за ними и учащие, именно труд способен превратить одно животное в другое. Поэтому мы вполне можем отнести необъяснимую потребность некоторых людей трудиться именно к животным инстинктам. Как трудиться, сколько и зачем – эти мелочи вряд ли кем-нибудь по большому счёту принимаются к изучению, а вот с кем – это вполне осязаемое понятие. Именно в соседстве с себе подобными человек трудится с большей бессмысленностью и радостью. И это понятно, ведь среди трущихся рядом подобных себе он скорее находит и существ, сходных с собой по привычкам, и приятных по запаху, и равных по восприимчивости к пище. Такое богатство чувств, испытываемых в труде, позволяет, и вступать в борьбу, и спариваться, и млеть от скупо себе позволенного времени покоя. И не будь двуногие разумными животными во всей их прелесть, им **пришлось бы осязательнее испытать на себе последствия таких отношений**. А так, принявшись трудиться и втянувшись в эту игру, разнопёстрый людской прайд всякий раз вскорости уже воспринимал эту скотскую игру, как свою судьбу. И каждый самостоятельно играл дальше. И доигрывался до того, что **начинал всё мягче и мягче улыбаться, поглядывая на её нервное – игры – переменчивое настроение**. После этого, обычно, соплеменники переставали реагировать на вещи непозволительные, с точки зрения высшей человеческой морали. И так до тех пор, пока не найдётся кто-то, кто зарычит или гавкнет, или завоет, что все оскотинились, или заигрались. А это ведь – одно и то же! И будет провозглашена потребность в труде, который способен превратить...*

Труд, Игра, Судьба – кольца неизбежной эволюции – нисходящие круги прогресса.

Это был конец августа 1983 года. Настроение было ещё отпускное, и Лёва не торопился на сбор труппы. За двенадцать лет стремительного вращения в храме искусства (ещё учась, Лёва был занят в премьерях театра) он чётко выучил, что чем театр академичнее, тем понятие времени в нём резиновее. Опоздать невозможно, поэтому неспешные «**releve**» и «**pa-de-pied**» по асфальту Пушкинской площади в сторону проходных дворов Козицкого переулка оборачивались походкой настоящих балетных актёров, сознающих всю торжественность первого дня начала сезона. За Лёвой вяло плёлся Митя Смирный, который опять у него ночевал. Он вчера вернулся от тётки из Липецка, и прямо с вокзала, с гостинцами завалился к другу. Не спали почти до утра и завтракали с пивом, так как знали, что кроме скучного доклада о планах, которые, всё равно, изменятся в течение года, и тренажного урока с демонстрацией балеринами предпенсионного возраста своих пляжных купальников, который легко можно пропустить, ничего в первый день не придумают. Репетиции летней премьеры балета приглашённого балетмейстера Ефрема Курцева «Конёк-Горбунок» на музыку Родиона Щедрина начнутся только через неделю, да и честно говоря, для исполнения роли Царя, а Лев был Царём («... собственно, как все львы», – любил добавлять Лёва), на класс даже лучше было не ходить. Классом балетные называют ежедневный урок-разминку, где ноги растягивают и выворачивают. Царь же был поставлен коленями и носками внутрь, ходил на полусогнутых, задира плечи, неврастенически щипал себя за ляжки и если вертелся, то крючком. Смешно, но к классическому танцу никакого отношения не имеет. А Лёва заканчивал классическое отделение хореографического училища, специализация – демиклассик (шуты, скоморохи, сатиры). Но с тех пор, как сняли с репертуара балет «Степан Разин», где Лёвин «скоморох» поднялся до второй партии в программке после самого бандита-революционера, он больше не стремился в чистые «классики» и прочно занял нишу ведущего гротескового танцовщика. Марченко негласно соседствовал в ней с Алексеем Дворским, артистом заслуженным, старшим по возрасту, амбициозным по воспитанию, болезненно относящимся к своему первенству, но всё время играющим,

в силу темперамента и всеобщей скуки, в чуткого наставника, бескорыстного коллегу и безобидного шутника.

Подходя к театру, Лёва с Митей, как раз, и встретились с Дворским. Он сиял от показной радости и, по-царски подняв руку, ждал их приближения возле своей «Нивы». Царя, как вы поняли, в «танцах по Ершову» они с Лёвой тоже делили.

– Соратники! Чувствуете запах большого искусства?

Дворский подражал голосовым интонациям актёра Черкасова, но Черкасов, видимо, имел бы такие интонации, если бы после исполнения Пата продолжал до конца карьеры танцевать.

Лёва заранее знал, как нужно отвечать. Имелось в виду, что родной театр, в отличие от Театра на Малой Бронной или Театра на Таганке, стоит на... помойке. Она никогда не убиралась, и растекалась особенно весной желтыми кисельными речками по близлежащим дворам.

– Аромат академической системы, Алексей Анатольч. Без этого нельзя! Дышите глубже, и вновь постигните!

Дворский гоготнул в знак понимания, обнял Лёву и ткнулся своими, всегда протянутыми к сигарете, губами в его щёку. Между собой артисты называли день сбора труппы после отпуска «поцелуевым днём». Конечно, любой из апостолов Спасителя мог бы считаться большим артистом, но только Иуде посчастливилось положить начало международной театральной традиции лицемерных поцелуев. Стыдливо чмокнув своего «Художественного руководителя», он подал заразительный пример и, конечно же, дурной.

Целовались теперь все: знакомые, друзья, ветераны, новички, ненавидящие друг друга открыто, любящие друг друга тайно, впервые видящие друг друга и даже думающие друг о друге, что давно оба умерли.

Лёва зеркально ответил Дворскому и уступил место Мите. А Мите не целоваться бы сейчас, а ещё пару кружечек пивка и пельменей бы. А главное, будучи менее синтетическим актёром, чем Лёва, Смирный хронически не переваривал поцелуев с мужчинами, даже ритуальных. И Марченко это знал, но, любя Митю, как брата, любил над ним издеваться..

– Здравствуй, Дмитрий, милый мой, – мастер был неумолим, и Смирный не отвертелся, на что Лёва, как гад, не промолчал с серьёзным лицом.

– Вот и ладушки. Грязь не страшна, когда любовь кругом! Ну, что? Вперёд?

Дворский нарочито хохотнул и ухватил Лёву под руку.

– Не оглядываясь!

Митя вздохнул и, лениво перепрыгивая через мусор и гнилые ручьи, поплёлся за Царями к служебному входу.

Меньше всего в начале своей истории герой думает о том, чего ему не хватает. Особенно, если это уже давно не начало, и ещё далеко не история. А знать чего не хватает, думая, что имеешь всё, можно только, узнав, что ещё может быть.

ПОЛИТИК

На каждом витке Колец Судьбы – свои игры, свои правила этих игр, но неистребимо в них влияние самой среды, пропитанной, как губка водой, грубым семейным началом, основой которого служил непоколебимый авторитет особей, поселившихся именно здесь, но значительно раньше и надолго. Они и встретят новичков настороженно, и испытают жестоко, и внушат, что это и есть судьба, и постараются пережить их. И удержаться в этой, или подобной этой, среде – постоянный труд, который и преобразует всякого высокоживотного человека в человека именно животного склада и животных намерений. А главное, что наделяет любовью к животным средствам в достижении искомого состояния – отсутствия желания обретения цели. И это состояние есть – игра. Сохранить заданные условия игры – тоже труд. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорожку чаща полна солнечным ливнем, цветами и тишиной, возможно расслабление и покой без риска быть окружённым и схваченным для дрессировки, наставлений или ненормальной близости, граничащей с провокацией. Лежи себе, но помни: кругом хищники, сам ты хищник, да и жизнь твоя – пример хищничества. Лежи и нюхай, и слушай землю.

Серго Иосифович Додоридзе руководил балетом театра уже давно. В опере после трагической смерти главного режиссёра Мишина, который подавился курицей, заедая портвейн, в кафе напротив театра, шла борьба за кресло, а в балете был покой и Додоридзе. Так думали все, но не сам главный балетмейстер. Добродушный и хитрый грузин, старательный и дотошный хореограф – он долго держал оборону от ненормальных великих балерин, ловко распределяя пряники и почти не применяя кнута. Додик, как его звали за глаза, всегда выслушивал, чего хотели примы, и всегда ставил то, что хотел сам, приглашал других известных балетмейстеров и не давал ставить тем, кто взрастал в труппе, говорил балеринам каждой про каждую только приятное и не мешал им поливать друг друга откровенными помоями.

Ко времени, о котором я вспоминаю, и которое знаю не только по Левиным рассказам, ситуация сложилась неожиданная. Я видел это всё своими глазами, приходя ещё в качестве режиссёра по делам к Иоанну Григорьевичу Пирамидову, который чуть позже стал исполняющим обязанности главного режиссёра театра. Звезда неповторимой Виктории Вольт стремительно закатывалась, и она, почувствовав это, внезапно отъехала в Соединённые Штаты педагогом. Видимо, там её помнили и любили. Это же не Москва. Постоянная и непримиримая противница Виктории Тимофеевны, Эльвира Павлова, вздохнула, было свободнее, но тут же поняла, что поздно. Она снова была не одна в ранге народной артистки. Пока две бабушки трепали друг другу нервы, выросла и окрепла, и набрала сторонников партия Галины Скворцовой. Она уже старалась не помнить, что и взял её в театр, и воспитал ведущей балериной, и обеспечил званием именно добродушный и хитрый грузин Серго Иосифович, и двигалась вперёд, как бронепоезд, сошедший с запасных рельс и плохо разбирающий, что у него под колесами. Так как второстепенные артисты труппы (найти бы хоть одного, кто признает себя второстепенным) просто обязаны были примыкать к какой-нибудь группировке, то оставшиеся без вождя сторонники эмигрантки Вольт быстро сориентировались в сторону Скворцовой. С нею же в тесной дружбе находилась и вторая, близкая Галине по возрасту, ведущая балерина, Марина Лопухова со своей «свитой» и мужем Лопуховым, бывшим Гольфманом. Скворцова тоже к этому моменту обзавелась мужем-партнёром, который был и моложе, и выше ростом, и не так засорён умом. Борьба активизировалась, и вскоре уставшая от всего Эльвира Тимофеевна Павлова с почётом покинула сцену. И Скворцова, и Лопухова, и их мужья целовали её напоследок и уговаривали не уходить, но держали открытыми и парадную дверь, и служебную, и легенду драмбалета выдуло сквозняком перемен. Начиналась коротенькая эпоха академизма.

С кем же теперь собирались бороться «великие реформаторши»? Да с самим Додоридзе! Он олицетворял и для Скорцовой, и для Лопуховой то время, когда они с удовольствием танцевали балеты, поставленные и им, и его предшественником, то время, когда они этим гордились и были обязаны. Что же поделаешь? Девицы выросли, поднаторели в интригах, благодаря наглядности, предоставленной живыми музейными персонажами, и внедрились в историю. Сам же Додик, с позволения сказать, оказался полным додиком. Нет, он, конечно, готовился к такому обороту, набирал молодёжь, обещал, охаживал, но как-то всё не получалось воплотить обещанное в жизнь. Больше всего он надеялся на три выпуска, на людей, которых отбирал сам. В 1975 году Серго Иосифович выбрал на госэкзамене Митю Смирного – идеальные классические данные, прекрасная форма, привлекательная внешность. За два года Дмитрий сделался лучшим «двоечником», то есть станцевал всех друзей, товарищей, врагов, разведчиков и сыщиков по их душу, но, к сожалению, всё это с одним выражением лица. И в принцы его не пустили. А тут, очень, надо сказать, вовремя и Сонечка подоспела к Мите за стол в каком-то кафе (не то «Лиры», не то «Аист»), поразив его своей зрелостью. Он же после трёх коктейлей уже не мог отличить четырнадцатилетнюю девочку от двадцатичетырёхлетней женщины, даже за двое суток. Короче, на балет Смирному, второй год готовящемуся к свадьбе, и терпящему побои за растление малолетней то от отца Софьи, то от её отчима, времени хватало с трудом. Следующим в списке дальновидного балетмейстера был выпуск Льва Марченко. Вернее, первыми в 1976 году в театр были взяты супруги-партнёры и Лёвины одноклассники Ия Шухиашвили и Валерий Картошкин. Взяты они были сразу на «Лебединое озеро», но готовили его лет пять, причем Валерий за эти пять лет, перетанцевал весь кордебалетный репертуар от разбойника в «Докторе Айболите» до стражника в «Корсаре». И когда Додик об этом узнал (через пять лет), он страшно удивился. Лёву же сначала распределили в Музыкальный Театр Ребёнка. Откровенная Надежда Исааковна Кац на собеседовании заявила Лёве, что видела его в роли попа в «Балде», и ей такие мерзавцы, да ещё с усами, нужны позарез. Её безапелляционность подкупала, но это означало бы творческую гибель до начала работы, и Лёве это объяснили ещё в училище. Пришлось «включить» знакомых. Знакомые спросили: «Может быть, все-таки в Главный?» Нет! Лёва ещё за четыре класса до выпуска танцевал гномика в «Золушке» Серго и в другой театр уже не хотел. «Лучше быть гномиком у Додика, чем додиком у гномика». Додоридзе, естественно, передали афоризм молодого танцовщика, и он обратил на него своё внимание. И к Грибовичу в Главный пошли другие. Так Марченко и приставший к нему по дороге одноклассник Тратов стали первыми мужиками «разинского набора». Но сначала были обезьяны в «Айболите» и «гости» в «Лебедином». Это сейчас уже у Тратова позади и сам Степан, и Шут, а у Лёвы – ведьма Мэдж в «Сильфиде», Санчо Панса и Царь. Шухиашвили выжили в Главный, подсыпая стёкла в туфли и подкладывая использованные тампоны в косметичку. А пришедший за ними через год Фонарин, станцевав Мизгирия в «Снегурочке», разбил как-то ночью витрину винного магазина, и вынужден был уволиться после товарищеского суда. Набор Додоридзе молодёжи в соратники не удался. Картошкин теперь смотрел только в сторону Театральной площади, где работала жена. Тратов проявил себя, как фанатик-одиночка. А Лёва... А что Лёва? О Лёве и речь, гротески выше интриг и ниже сплетен. Правда, Марченко числился сторонником Павловой, но таким вялым, что имел время посреди творчества заняться личной жизнью. Или, наоборот – между занятий личной жизнью отводил место и для творчества. Но об этом чуть попозже.

Артистов начинал окутывать приятный туман известности. Как и не было отпуска, как и не расставались, как и не выпускали из рук приятное дерево осточертевшего станка. Неземна глубина совершаемого **«grand plie»**. Но... Погрузился? Подтяни спинку, разверни коленки, собери лопатки и подай копчик вперёд. Поза, конечно, не нова, но она приобретала всё новые краски и открывала непознанные грани с увеличением количества попавших в неё.

И все они очень любили дядюшку Серго, и он прекрасно понимал, что опереться то ему в предстоящем сезоне не на кого.

Во всём нужно искать и находить Прелесть. Не нашёл сегодня, ищи завтра, позже... С шумом, в проказах, в богатстве или в его отсутствии. Прелесть – это одно из немногих, о чём всегда, найдя, можно сказать, что она – Прелесть – совсем не в этом.

Предсказание

Одним из основных животных инстинктов, не поддающихся ни здоровому, ни психически-отклоненному вразумительному объяснению, у трудящегося в меру своей неискушённой мышечно-умственной деятельности на благо неизбежной эволюции местного значения вида является частая смена обычного скотского потребительского настроения безудержным мифотворчеством. Приглядят, бывало, зоркие и чуткие индивиды над лесом подходящее Солнце и давай к нему рваться, кто быстрее, или кто хитрее. А к концу дневной временной дистанции, не приведи Случай, Луну кто заметит. Так тут и совсем картина весёлая до крови растаницуется, всем сразу навстречу ночному светилу позарез нужно делается. Ну, а созвездий всяких на небе поначёркано достаточно, чтобы смена направлений движения за явным призраком не наскучила.

В такой безуспешной и тревожной погоне проходит не день не два, не месяц, а неопределённое неограниченное время, которое можно назвать, да хоть и сезоном, к примеру. Сезон, там, Луны! Сезон Большой Медведицы! Десять Золотых Сезонов Плутона! Уже и лес поменялся, и норы новые, и подножный корм не поддаётся описанию, а всё мечутся – то к Солнцу, то от него, но, как бы, к нему. И никто не отдаст себе отчёта в перерыве столь полезной деятельности, что получается: неизменно склонность к мифотворчеству – следствие всегдашней работы – было сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву семена крупной мечты.

– Место настоящего артиста в буфете! Мить, иди и закажи Мариванне по яичнице, – Марченко задержался в гардеробе перед зеркалом. Дворский, не останавливаясь, прошёл на второй этаж. Там был кабинет главного балетмейстера. Что бы Алексей Анатольч не говорил о Додоридзе в коридорах, а на поклон к нему ходил каждое утро.

– Да там очередь, наверняка, – Смирный ещё не знал, что Мариванна по случаю Дня Встречи набила буфет чешским пивом.

– Конечно, очередь, живые люди кругом, не Музей Пушкина с манекенами. Так пойдёшь и постоишь!

– И мне займи, не в службу, – Савелий Сидоров, как всегда, гладко выбритый и с безукоризненным пробором, стоял возле новенькой дежурной, женщины тучной, но с претензией.

– Нефёдыч, Батя! Как живой! Почему загар только на ушах? – Лёва был младше Сидорова на десять лет, и после поездки в Индию, где они жили в номере вместе, звал его Батей в знак особого расположения, – Всё не угомонишься. Женщина на посту, а ты с пустяками, небось, с утра пораньше. Познакомь!

Лёва прилёг левым локтем на стол дежурной, а правую руку протянул в ожидании руки для поцелуя. Савелий, замаявшись, начал играть бровями и вздыхать, поглаживая, почему-то, свой портфель.

– Марго! – дежурная протянула руку, болтанула грудями, и замерла при поцелуе.

– Молодец, гусар, завидую! Ну, ты – не Фёдыч, ты – Фёдыч! – «царёк» тоже погладил Савелиев портфель и, ещё раз поправив причёску, поспешил за посланным в буфет Митей.

Сидорову оставалось три года до пенсии, но выглядел он молодо, продолжал легко танцевать Леля и надеялся на продление своей творческой жизни. Додоридзе его любил, а не любил, так терпел, а не терпел, так любезно делал вид, что любил. Савелий Нефёдович был женат, имел прекрасного сына, любил его, и вообще был воспитанным и внимательным человеком. Именно это и подкупало в нём при встрече, и многим женщинам он нравился сразу, и сразу же отвечал им взаимностью, пока не передумали. Ещё до Индии Лёва узнал Сидорова ближе, пару раз сидел с ним в дождливую погоду в ресторане ВТО. Марченко любил рассказы старшего

поколения. Как поэт-эпиграммист, он всегда находил что-то для очередного сюжета. Позже выяснилось, что Савелий любит поэзию, и Лёва стал почитать ему не только эпиграммы, но и вещи вполне серьёзные, которые, например, Мите читать было совершенно бесполезно.

– Лёв, там сегодня «Золотым Фазаном» балуют, если Мухин не всё ещё выпил, – Батя догонял своего юного друга с задором сверстника, как будто, и не было этих нарочитых подколов в гардеробе.

С юмором у Лёвы всегда было хорошо, но когда он оканчивал училище, его юмор был добрее, что ли, чютче, хотя он уже тогда баловался сочинением эпиграмм и пробовал их на одноклассниках. Но с каждым годом, прожитым в театре, юмор «от Марченко» приобретал всё большие: во-первых – всеядность, не только для соседей по парте, а во-вторых – саркастичность и адресную беспощадность. Но за маску скомороха, которую он чаще всего одевал, ему многое прощалось. Вот и сейчас, ещё с прошлого сезона по углам ходили последние эпиграммы Лёвы на Лопухова и Акрилова, мужа Скворцовой, сочинённые в коридоре, сходу и попавшие в цель неожиданно, как для самих мишеней, так и для их жён. Кордебалет был в восторге (народ всегда радуется, когда щиплют господ), а этой силе надо подыгрывать, и мужья-партнёры натужно улыбались каждый раз, как слышали Лёвкины вирши. Думаю, и вам эти тексты подарят весёлую минутку. Вот – портрет Акрилова «кисти Марченко»:

*Наделен и супругой, и формой,
И в глазах вечно томная муть,
И вдобавок – борец за реформы,
Лишь ему разжуют, в чём их суть.*

К Филиппу Лопухову Лёва обращался по имени, но не Филя, как супруга, а как его звали в детстве родные (и откуда эти поэты всё знают?) – Липа:

*Липка, Липка,
Где твоя улыбка —
Та, с которой вышел из МАХУ?
Самая неоправимая ошибка, Липка,
То, что её любят наверху!*

Ну, как не улыбнуться и не испытать внутреннюю радость, когда про тебя так написали...

МАХУ – это, не больше, не меньше, Московское Академическое Хореографическое Училище, общий роддом, так сказать. Почти весь балет театра были выпускниками этого неоднозначного заведения – прошу прощения, махуевцами. Это всех сблизало и делало похожими на одну большую семью. Но только похожими. Старшие помнили младших эдакой шумной массой в трусиках и маечках, а младшие почти всегда были влюблены в старших. И редко, кто ссорился... Вру! А врать не хорошо! Ссорились, и ещё чаще, чем обычные люди, дружили выпуск против выпуска, и не разговаривали годами, и вдруг разводились, и женились наоборот, и предавали педагогов, и пудрили мозги молодёжи и провинциальным новичкам, и всю творческую жизнь ждали перемен.

Марченко с Сидоровым подошли к буфету. Лёва знал, что, увидав его, все будут ждать шутку, кто с удовольствием, а кто и с отвращением, но ждать будут. Обмануть ожидания было нельзя, и он надул лицо в портрет покойного вождя-героя. Батя открыл перед ним дверь.

– Дорогие и не очень дорогие товарищи! Сбор трупов в пользу руководства театра объявляю открытым! – сказал знакомым голосом Лёва, помахал рукой и хрюкнул по-генеральному.

Дружный хохот обозначил, что настроение у всех было пока хорошее. Смирный уже расставлял на столе у окна пиво и яичницы. До звонков к собранию оставалось ещё минут трид-

цать. За ближайшим столом сидели Коля Мухин и Костя Шарин (участь вечно юных танцовщиков – по тридцать, а всё Коляны, Костики, Лёвики), и не один «фазан» иссяк ради их доброго настроения. Лёва часто проводил с ними время. Это всегда было весело, умно и зло, и при встрече они открыто симпатизировали друг другу. Так было и сейчас, Сидоров прошёл прямо к столу, где над сервировкой из одних вилок трудился Митя, а Лёва задержался.

– А где же Игнат?

Клички в театре, как и в школе, давали чаще всего по фамилиям, и Игнатом был, как легко додумать, Юра Игнатов, третий в этой компании. Он тоже пытался казаться весельчаком, но сквозь его смех всегда была слышна, не то, чтобы грусть, это было бы благородно, но чаще – скука. И это многих отталкивало. Жил он с родителями, постоянно заводил себе подружку, открыто любил её, хотя к любви это совершенно не имело отношения, и естественно, ни какая из них долго этого не выдерживала. Высокий исполнитель Дон Кихота и Монтанелли был, как бы это поточнее, пустоват, и перспектива одиночества вдвоем, да ещё и с родителями отпугивала даже самых безразличных.

– Где? Где? Росинанта приковывает к забору театра. – Шаров, между прочим, Константин Сергеевич, был соседом Игнатова по Войковской и в противовес тому – маленького роста, танцевал шутов, и склад ума имел, как все наполеончики, философски-атакующий.

– Неужели, машину купил? – Марченко даже налил себе мухинского пива.

– Машину, Лёвочка,.. спасибо, – Мухин взял наполненный Львом стакан и выпил, – каждый дурак купит, а наш изволил приобрести велосипед с мотором и проехал на нём всю Ленинградку и Горького.

– А ноги по земле не волочились? – Лёва повторил операцию с пивом, но, на сей раз, не выпустил стакан из рук.

– Нет, – Костя был предельно серьёзен, – он уже второй день ездит, приспособился – ноги на руль кладёт.

Смеяться, в таких случаях было не принято. В этот момент из двери раздался звонкий голос. Это была неугомонная Маня Лендель.

– Мальчики, мальчики! Звонили с «Мосфильма», им нужны два русских стройных гусара с усами, постоять у окна в «Отце Сергии».

– Я и Мухин! – реакция на халтуру у Лёвы была молниеносная, никто даже вилки от рта отвести не успел.

– Так, записываю – Марченко, Мухин. Двенадцатого в 10.00 на проходной.

В это время в буфет вплыл стодвадцатикилограммовый тенор Викентий Сандомирский.

– О, Мариванна! Моя Мариванна! Я никогда, никогда, никогда не постигну тебя!

Ага! «Фазан»! И что, правда, «золотой»? Или опять крашенный? – усы «песняра» и открытый до макушки лоб делали Вику неотразимым.

– Вика, пиво же полнит! – Мариванна любила остроумного Трике.

– Не полнит, а полнит! И голос начинает играть, как вода в толчке.

– Да ну тебя, болобол! А огурчики будешь?

– Всё буду, пока карточки не ввели!

– Типун тебе на язык! – юркая старушка-буфетчица выложила на тарелочку несколько аппетитных венгерских огурчиков.

Буфет театра, кроме своего основного – кулинарного назначения, исполнял ещё роль своеобразного клуба и комнаты отдыха. Слава Богу, после отмены продажи крепких напитков он перестал быть рюмочной. Но по-прежнему, если кого-то срочно нужно было найти, вернее всего искать было в буфете. Готовилась к открытию бильярдная, но пока только готовилась – ждали, когда Дворский довяжет сетки к лузам. Если человек талантлив, то, не спорьте, понять его пристрастия трудно, а уж подгонять просто непозволительно.

– Ага! Вот вы где! – Семён Семёныч Чуфырин, помреж, бывший танцовщик, актёрище, человек поверхностный и вездесущий, даже когда никого не искал, делал вид, что нашёл, и что это только ему было под силу.

– Семён Семёныч, – Лёва проглотил кусок яичницы с деланным испугом, – так можно подавиться!

– Кстати, – Чуфырин изобразил на лице мину разбуженного петухами городского, – у тебя, Лёвочка, пятого сентября Санчо Панса.

– А хоть сейчас!

– Сейчас не получится, от тебя пахнет.

– Пахнет, уважаемый вы наш, ото всего! Даже от Юрия Долгорукого – собачьими «слезами». И вообще, вы же торопились с новостью. Нефёдыч до сих пор в напряжении. Нельзя так народ нервировать.

Лёва налил всем пива. Чуфырин присел за стол, но демонстративно отодвинул стакан.

– Только водку!

– Митя, водку! – Лёва был серьёзен, а Митя непонимающе выпучил на всех глаза. Зато Сидоров неожиданно подыграл Лёве.

– Не надо, ему нельзя! Он, когда выпьет, ко всем драться лезет.

– Да вы с ума сошли! Я же при исполнении! – Семён Семёныч даже покрылся испариной стыда, явления в его возрасте редкого.

– Шутка! – Марченко как бы остановил Смирного, а тот, всё равно, ничего не понял, – Лёгкая, элегантная, не прошла... Так что за ужасы вы нам там уготовили? Неужели, Курцева назначили главнюком?

– Ваш Курцев, – взвился бывший Квазимодо, – дерьмо!

– Почему наш? – удивился Савелий.

– Ну, не твой, а Лёвкин! Он у него Царём работал!

– Работал. Я у всех работал, и буду работать. Это – моя профессия. Глупо – находиться в театре и не работать, хотя есть и такие! – и Лёва посмотрел на Чуфырина.

– Это я-то не работаю! Да я...

– Семён Семёныч! Я смотрю на вас только потому, что вы тоже знаете, что есть такие, кто не работает.

Помреж остыл также быстро, как и взорвался.

– Да, знаю, могу перечислить...

– Не надо! – улыбнулся Савелий.

– Да, не надо! – Митя сделал вид, что тоже участвует в разговоре.

– Хорошо, не надо, – Семён Семеныч, наконец, улыбнулся, – Одно скажу: Додик – настоящий политик, и всех ждёт сюрприз.

– Судя по вашему восторгу, сюрприз – рыбак, и нам не противен, – Лёва допил пиво.

– Точно!

– Ну, что ж, лучше не будет, а хуже некуда.

Друзья поднялись из-за стола.

– Да, кстати, как Сенька-то? – сын Чуфырина тоже уже танцевал в театре, и Лёве пришлось «подвинуться» с исполнением знаменитого «гопака» из «Тараса Бульбы», который давал, как левые платные концерты, так и шефаки с банкетами.

– Спасибо, отлично! Фаина ему новые шаровары сшила, – жена помрежа, Фаина, тоже бывшая балерина, работала заведующей костюмерным цехом, – Да, Лёв, там три концертника в сентябре, так мы тебе один оставим.

– Сама простота! – Лёва пожал руки Сидорову и Смирному, – Не поздравляйте! – и, повернувшись к Чуфырину, добавил – Щедрый вы, Семён Семёныч! Так я загоржусь.

Раздался первый звонок. Всех приглашали в зрительный зал.

– Коль, займи местечко в десятой ложе, – Лёва первым двинулся к выходу, – Я только позвоню.

Так бывало часто, проведя с кем-нибудь долгий период времени, например – утро, Лев устал от общения, и ему необходимо было сменить видеоряд. Митя и Савелий, а особенно Семён Семёныч, заставили его затосковать. У телефона никого не оказалось, из фойе неслись радостные приветствия, и было ещё несколько минут на разговор. Марченко решил позвонить Вере. С Верой его познакомили Тюпины. Она, как и Сауле, работала воспитательницей в детском саду, была на семь лет моложе Лёвы и понравилась ему сразу. Это случилось Первого Мая. После «Доктора Айболита», где Лев в очередной раз «прикинулся» обезьяной Чичи, позвонил Стасик и сказал, что они едут.

– Но мать в командировке, и холодильник пуст, – Марченко был иногда честен в таких вопросах.

– Ничего не надо! – Тюпин был переполнен эмоциями, – И продукты, и женщины у нас есть!

– По какому случаю праздник, Стас? Уж не солидарничаешь ли ты, часом, с тудящими-мися? – Лёва говорил голосом Ленина.

– Нет, будем тебя женить! – и Тюпин подленько хихикнул.

– Наконец-то! Я тогда свидетелей позову. «Раз везут продукты, соседей накормлю», – подумал Лёва, – а Рома им на гитаре

сыграет.

– Зови, зови! А главное, скатерть свежую постели!

Ждать было не долго. К 17.00 подъехала зелёная тюпинская развалина, которую стыдно было называть «Москвичом», и Лёва окрестил её – «Подмосквич». Из неё выгрузились: Сауле, сам Стасик и две милые девушки, как потом выяснилось, Вера и Настя – музыкальный работник всё того же детского сада. Сумок было много. Лёва наблюдал высадку из окна вместе с ближайшими друзьями, Ромой и Сергеем, которые легко откликнулись на приглашение.

Теперь артист и воспитательница, конечно же, общались часто, а тогда, в мае – просто голову потеряли, прогуляли всю ночь, на второй день переехали к Тюпиным, и что самое замечательное, стали целоваться. Но не сразу, сначала два часа присматривались, улыбочки всякие строили друг другу, подмигивали. А потом тост на брудершафт Лёва предложил, это чтобы, значит, на ты не опоздать перейти. И было это скреплено долгим поцелуем. Причём все считали вслух, как на свадьбе, насколько у них воздуха хватит. И воздуха хватило, и очень это Вере с Лёвой понравилось. И теперь они уже целовались при каждой встрече, но по традиции, всегда спустя два часа, не раньше.

– Верочка! Это Лёва! Да! Почему ты дома? Ах да, ещё же ведь август! А у нас сбор труппы. Да! – Лёва говорил отрывисто, улыбаясь и позируя у телефона, пожимая проходящим мужчинам руки, а женщин, выборочно, поглаживая по задним карманам джинс, или по тому месту, где они бывают.

Вера была рада его звонку. Ей вообще это неожиданное приключение, в хорошем смысле, пришлось по душе – артист, весельчак, танцует, анекдоты рассказывает, вообще не даёт скучать, да ещё и целуется только с ней. Настораживали две вещи: Лев постоянно был под градусом, и когда градус доходил до определённой отметки, непременно начинал читать стихи. И ладно бы – Есенина, Пушкина, так нет же – свои. А с поэзией Верочка дружила только в рамках приличия школьной программы. Не смотря на эти пока мелочи, получилось так, что и сегодня Вера сама спросила Лёву, не ожидая этого от себя, о том, что он делает завтра.

– Конечно, свободен! Звони Тюпиным, поедem к ним в гости. Ну, всё, пока, а то нас зовут в зал, – и дальше были гудки.

Вера и обрадовалась предстоящей встрече, и сразу вспомнила о двух припасённых бутылках шампанского, и только немного удивилась тому, что звонить опять придётся ей... «Но он же там занят в своём театре!»

А в зал пока не звали. И Лёва, хоть и подумывал о женитьбе на Вере, не отказывал пока себе в удовольствии измять одну-другую попавшуюся под руку юбку. Сейчас он, как раз, обнял, проходившую мимо, свою бывшую невесту, теперь жену какого-то провинциального эстрадного танцора, Полину Древскую, в девичестве Косареву.

– Ты почему так долго ко мне не заходишь? Твой ведь ещё в поездке.

– С ума сошёл! Я была у тебя три дня назад! – Полина даже поперхнулась дымом сигареты.

– Три дня – это вечность! А, впрочем, я шучу. Ближайшее время я, кажется, занят, – Лёва обхватил Полину за талию, – пойдём, послушаем мудрецов дивана.

– Кого, кого?

– Видишь ли, в Древнем Китае – некое подобие президиума при Императоре называлось диваном. А у тебя на уме опять было что-то в пастельных тонах? А! Балеринка?

– Не умничай! Не люблю! – и они вышли в фойе Белые Столбы, как Марченко называл это место в театре за шесть белых колонн. Они толи держали потолок, толи были сняты с фасада, от греха подальше, во время мятежа 1905 года, а потом по рассеянности забыты в фойе на самом проходе. Теперь они были одним из лиц театра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.